

18+

Евгений Иоников

Тюрьма

Минское антифашистское
подполье в рассказах его
участников

Евгений Иоников

**Тюрьма. Минское
антифашистское подполье
в рассказах его участников**

«Издательские решения»

Иони́ков Е.

Тюрьма. Минское антифашистское подполье в рассказах его участников / Е. Иони́ков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519605-7

Он был рядовым беспартийным подпольщиком. Ему не полагалось многого знать о деятельности организации и о работниках подпольного комитета; несколько лично известных руководителей, отдававших ему приказания да немногие из тех, с кем он волей случая длительное время провел в застенках СД и в тюремной камере Пицаловского замка — вот и весь круг его знакомств среди подпольщиков.

ISBN 978-5-00-519605-7

© Иони́ков Е.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Тюрьма

Минское антифашистское подполье в рассказах его участников

Евгений Иоников

© Евгений Иоников, 2020

ISBN 978-5-0051-9605-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уважаемая тов. Давыдова!

Как известно, со временем многое стирается из человеческой памяти, поэтому я в 1947 году решил зафиксировать на бумаге то, что сохранилось в памяти из прошедшего, перенесенного и пережитого за период работы в Минском подпольном комитете и после его разгрома. Заметки писал, как говорится, для себя. И только по настойчивым советам некоторых товарищей в 1953 г. я послал 1 экз. материалов в альманах «Советская Отчизна». Редакция последнего... ответила мне, что такие материалы без проверки и подтверждения фактов институтом истории публиковаться не могут.

По просьбе директора Белгосмузея ... 1 экз. настоящих записок я дал ему.

После разговора с Вами я бегло просмотрел записки и, откровенно говоря, теперь хотелось бы многое в них изменить. Ведь с их написания прошло более 12 лет и многое за это время прояснилось и уточнилось. Но пусть будет так, как есть.

С приветом, Г. Сапун.

6 марта 1960 г.

Люблино, Московская обл.¹

Третий экземпляр своих воспоминаний Георгий Павлович Сапун передал адресату, белорусскому историку Вере Давыдовой – по ее просьбе, как это следует из письма подпольщика. Впоследствии она использовала в своих публикациях отдельные факты из записок Сапуна – в частности, его рассказ о поведении в минской тюрьме некоторых членов минского подпольного комитета.² Близко знакомый с Валентиной Давыдовой писатель-документалист Иван Новиков также пользовался этим источником информации. В первой части посвященной минскому подполью трилогии («Руины стреляют в упор») он даже полностью, без купюр, процитировал несколько страниц из воспоминаний Георгия Сапуна.³

Полностью опубликованы они так и не были. Между тем, его записки содержат уникальную информацию о разгроме минского подполья осенью 1942 года и представляют собой подробный рассказ о его последствиях. В нашем очерке мы приводим его практически полностью, сократив лишь в некоторых деталях, не имеющих отношения к нашему повествова-

¹ Минский подпольный партийный комитет КП (б) Б. (Коллекция). Воспоминания Георгия Павловича Сапуна об участии в Минском партийном подполье в 1941 – 1942 г.г. и пребывании в гитлеровских лагерях смерти. 1949 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 65, Л. 1 – 2

² В. С. Давыдова. В битве за Отечество / Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: сб. ст./Составитель В. Е. Быстров; ред. З. Н. Политов, – М.: Политиздат, 1965 г., с. 49

³ Новиков И. Руины стреляют в упор / И. Новиков – М.: Советский писатель, 1963, с. 188 – 190

нию. Кроме этого, в данной публикации мы большей частью опускаем упоминания о встречах автора записок с теми участниками подполья, о которых мы будем рассказывать в последующих главах нашего повествования.

Георгий Павлович Сапун был одним из немногих подпольщиков, кто сумел пережить истязания в минском СД, многомесячное нахождение в Минской городской тюрьме на улице Володарской (сейчас – Володарского) и двухлетнее пребывание в концлагерях – сначала в «Освенциме», а затем, с приближением в 1944 году фронта – в Заксенхаузене.

Он был рядовым беспартийным подпольщиком. Ему не полагалось многого знать о деятельности организации и о работниках подпольного комитета; несколько лично известных руководителей, отдававших ему приказания да немногие из тех, с кем он волей случая длительное время провел в застенках СД и в тюремной камере Пицаловского замка – вот и весь круг его знакомств среди подпольщиков.

Он не задавался целью всесторонне осветить работу подпольного комитета. Свою задачу Георгий Сапун сформулировал кратко и четко, как и подобало опытному инженеру. «Я хочу... показать... только чистую правду, ни на йоту не преувеличивая и не искажая действительности. Пробелов незнания я не заполняю домыслами или фантазией. Пусть будет лучше недоговорено, ... но это все же будет правдой... только то немногое, что я лично знал. Что наблюдал, что перенес в течение почти трехлетнего заключения в подвалах гестапо, тюрьме и концлагере, что могла сохранить слабая память человека, присужденного к смерти и ежедневно ждавшего ее, я и хочу рассказать».⁴

К подпольной работе его привлек старый знакомый по довоенной жизни Антон Гук. В октябре 1941 г. он привел к нему на квартиру (Революционная, 41, второй этаж) двух человек – Диму и некоего Ивана Гавриловича; последний, как потом выяснилось, участвовал в создании в городе подпольного комитета и руководил им, его настоящее имя было Иван Кириллович Ковалев. Ковалев и приобщил Георгия Сапуна к участию в подпольной организации. Уже на второй или на третьей встрече Иван Гаврилович поставил перед ним вопрос ребром: «... победа сама в руки не приходит, ее нужно завоевывать с боем». Впрочем, многого от него подпольщики не требовали. «Работу мы тебе будем давать посильную и по твоей специальности», – заявил на той же встрече Иван Гаврилович⁵. На следующее утро к нему явился Гук с первым заданием: достать немецкую карту-план Минска.

Георгий Сапун по профессии был горным инженером, до войны работал в системе Наркомата топливной промышленности БССР. В июне 1941 года он попытался выбраться из Минска, но безуспешно; они с женой сумели дойти лишь до Руденска,⁶ провели несколько дней в окрестностях этого городка (он родился в Вороничах тогдашнего Руденского района), дожидаясь, когда немцев отбросят на запад. Увы, в августе месяце им пришлось вернуться в город. Некоторое время спустя его разыскали знакомые и предложили работу в топливном отделе городской управы. На первых порах он занимался учетом имевшегося в городе топлива и перераспределением его между предприятиями, учреждениями и городским населением.⁷

⁴ Минский подпольный партийный комитет КП (б) Б. (Коллекция). Воспоминания Георгия Павловича Сапуна об участии в Минском партийном подполье в 1941 – 1942 г.г. и пребывании в гитлеровских лагерях смерти. 1949 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 65, Л. 15 – 16

⁵ Минский подпольный партийный комитет КП (б) Б. (Коллекция) Воспоминания Георгия Павловича Сапуна об участии в Минском партийном подполье в 1941 – 1942 г.г. и пребывании в гитлеровских лагерях смерти. 1949 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 65, Л. 6 – 7

⁶ ЦК КП (б) Б Оргинструкторский отдел. Отчеты, докладные и записи бесед с участниками Минского подполья. 21 сентября 1942 – 13 октября 1945 г. Отчет о Минском подпольном комитете и некоторых его работниках за время 1941 – 43 г. г. Сапуна Г. П. НАРБ, Ф. 4п, оп. 33а, Д 659, Л. 41

⁷ Минский подпольный партийный комитет КП (б) Б. (Коллекция). Документы и материалы партархива Института истории

Через день или два после встречи с Иваном Гавриловичем он без труда выполнил его просьбу – забрал со своего стола один из имевшихся в их отделе экземпляров топографической карты Минска. Позднее его задания усложнялись. Так, например, все лето 1942 года он готовил для подполья уже не простую карту города, а с нанесенными на нее военными объектами немцев⁸.

Помимо этого, он участвовал в материальном снабжении находившихся на нелегальном положении подпольщиков, простыми словами – подкармливал у себя на квартире тех же Ивана Гавриловича, Диму (под этим именем скрывался видный подпольщик Дмитрий Короткевич), Николая Шугаева (с ним он был немного знаком с довоенной поры, тот также работал в системе топливной промышленности). Кроме того, занимая пост в городской управе, а потом в немецкой конторе Торфоцентральной, Сапун содействовал бывшим военным в оформлении их на работу в сфере торфодобычи. Имея доступ к некоторым материальным ресурсам учреждений и предприятий оккупированного города, он наладил приобретение бумаги и краски для подпольной типографии.⁹

5 октября 1942 года на квартиру к Гуку должен был зайти Короткевич, но не явился на эту встречу. 6 октября Дима должен был быть и у Сапуна, но тоже не пришел. В практике подпольной работы ранее такого не наблюдалось. Если тот или иной работник не мог явиться в условленное время на явку, он должен был предупредить до, или в самое кратчайшее время после несостоявшейся встречи, сам или через других известных хозяевам конспиративных квартир людей.

Исчезновение Короткевича, как минимум, заслуживало внимания. 7 октября 1942 г. Сапун решил проверить возникшие у них опасения.

Для этого он должен был посетить две явки, хозяева которых могли знать о Диме. Первый его поход (на квартиру Галины Шумской, через которую он поддерживал связь с Короткевичем) не дал результата – его и там не видели уже несколько дней.

Ближе к полудню он заглянул домой и предупредил жену, чтобы та спрятала или уничтожила все нелегальное, хранившееся у них в квартире. «Я тогда и не предполагал, что это... моя последняя встреча с женой и мне больше никогда не суждено будет увидеть ее», – запишет он потом в своих воспоминаниях.¹⁰

Вторая конспиративная квартира, на которой он надеялся узнать о Диме, находилась в Ляховке (район современных улиц Свердлова, Ульяновской и Октябрьской). Дорога туда от его квартиры на Революционной лежала по Красноармейской и он зашел в размещавшуюся на этой улице контору «Торфоцентральной», где с некоторых пор числился на работе. «... минут через 15 – 20 дверь распахнулась и [в его кабинет] вошло три человека – два в военной форме и один в гражданском. Тип в гражданской одежде на чистом русском языке спросил: „Инженер Сапун?“ Он встал. „Мы из гестапо“, – сообщил один из вошедших...»¹¹ Вместе с ним

партии при ЦК КПБ о Ковалеве Иване Кирилловиче. 1939 г. – 1983 г. Из записи выступления Сапуна Г. Р. на совещании бывших участников Минского подполья. (Декабрь 1954 – январь 1955 г.) НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 205, Л. 257

⁸ ЦК КП (б) Б Оргинструкторский отдел. Отчеты, докладные и записи бесед с участниками Минского подполья. 21 сентября 1942 – 13 октября 1945 г. Отчет о Минском подпольном комитете и некоторых его работниках за время 1941 – 43 г. г. Сапун Г. П. НАРБ, Ф. 4п, оп. 33а, Д. 659, Л. 46

⁹ ЦК КП (б) Б Оргинструкторский отдел. Отчеты, докладные и записи бесед с участниками Минского подполья. 21 сентября 1942 – 13 октября 1945 г. Отчет о Минском подпольном комитете и некоторых его работниках за время 1941 – 43 г. г. Сапун Г. П. НАРБ, Ф. 4п, оп. 33а, Д. 659, Л. 43 – 44

¹⁰ Минский подпольный партийный комитет КП (б) Б. (Коллекция) Воспоминания Георгия Павловича Сапуна об участии в Минском партийном подполье в 1941 – 1942 г.г. и пребывании в гитлеровских лагерях смерти. 1949 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 65, Л. 34 – 35

¹¹ Минский подпольный партийный комитет КП (б) Б. (Коллекция) Воспоминания Георгия Павловича Сапуна об участии в Минском партийном подполье в 1941 – 1942 г.г. и пребывании в гитлеровских лагерях смерти. 1949 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 65, Л. 35

арестовали и его сослуживца, некоего Васильева, который не имел отношения к подполью – об этом Георгий Сапун знал твердо. Это давало некоторую надежду, что и его арест не был связан с «делом комитета». В коридоре их ожидала охрана, а на улице – две легковые и одна грузовая автомашины.

Их погрузили в грузовую. На бортах по периметру кузова расселась охрана. В машине уже сидело два человека, арестованных ранее. Из дальнейшего рассказа Георгия Сапуна вполне можно проследить маршрут, которым их доставили в университетский городок – там располагались службы полиции безопасности и СД – ведомство доктора Штрауха¹².

Этот путь не был прямым. Миновав центр города, из Ляховки их привезли на Сторожовку, машины остановились у пивоваренного завода (сегодня «Беларусь»). Он знал, что там, на пивзаводе, тоже действовала подпольная группа, но, по условиям конспирации, не был знаком ни с кем из ее участников. Через некоторое время, однако, агенты вернулись из конторы завода, никого не арестовав. Машины пошли через весь город обратно в сторону Ляховки, арестованные опасались, что путь их лежит в Тростенец. К счастью, за железнодорожным переездом они свернули ко 2-й ГЭС, въехали на ее территорию и снова ждали. Но и на этот раз агенты вернулись ни с чем.

Накануне вечером из окна своей квартиры он видел такие же машины, двигавшиеся в том же порядке (грузовая – а следом две легковые) по Комсомольской и по Немиге. Агенты в гражданском тоже заходили в дома, и тоже никого не вывели – как потом рассказывали Сапуну, искали Николая Герасименко (о нем будет упомянуто ниже). Как он не догадался? Сейчас был бы в безопасности...

От 2-й ГЭС машины пошли опять через центр в сторону Комаровки. Застроенные деревянными домами тамошние улицы были ему почти не знакомы. В районе военного кладбища они снова остановились на одной из таких улиц. Агенты вошли в дом и вскоре вывели высокого старика. За ним бежала старуха с горшком. Охрана позволила ему взять горшок. В нем была гречневая каша. Старику указали место в грузовике. Он основательно уселся и начал есть кашу...

Теперь их везли по безлюдной и совершенно разрушенной Советской улице. Судя по маршруту, Сапун предположил, что их везут в тюрьму, однако они миновали Свердловскую улицу и поехали дальше по Советской. Напротив Дома Правительства свернули налево в Земледельческий переулок. Их высадили около бывшего **химического** корпуса университета (так по старому Георгий Сапун называет это строение, уже с довоенных времен принадлежавшее мединституту). На стене с левой стороны от парадного входа висела небольшая вывеска, подтверждавшая, что здесь находится полиция безопасности и СД.¹³

В здании СД их разделили – Васильева и других его спутников оставили в вестибюле, а его отвели вверх по лестнице. Там развеялись и без того призрачные его надежды на случайный характер задержания: в коридоре он увидел Антона Гука; тот стоял лицом к стене. Сапуна провели мимо и втолкнули в лежавший по левую руку кабинет, тоже поставили лицом к стене. Здесь уже стоял один человек. Под угрозой расстрела им запретили смотреть друг на друга и переговариваться. Так лицом к стене они стояли долго, не менее шести часов. Их никто ни о чем не спрашивал, только присутствие охранника указывало на то, что о них не забыли.¹⁴

¹² Эдуард Штраух, оберштурмбанфюрер СС (соответствовало званию подполковника в Вермахте), глава полиции безопасности и СД в Белоруссии (декабрь 1941 – июль 1943 г.). После войны предстал перед американским трибуналом. Дважды был приговорен к смертной казни через повешение (10 апреля 1948 года и в 1949 году), но из-за психического заболевания (по некоторым данным страдал от алкоголизма) приговор в исполнение приведён не был. Скончался в 1955 году в больнице города Уккел. (Источник – Википедия).

¹³ Минский подпольный партийный комитет КП (б) Б. (Коллекция) Воспоминания Георгия Павловича Сапуна об участии в Минском партийном подполье в 1941 – 1942 г.г. и пребывании в гитлеровских лагерях смерти. 1949 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 65, Л. 35 – 39

¹⁴ Минский подпольный партийный комитет КП (б) Б. (Коллекция) Воспоминания Георгия Павловича Сапуна об участии

У него была ограниченная связь по комитету, он знал не более 10 – 11 человек. Он мысленно проверил их всех и никого не смог заподозрить, возможно, за исключением Антона Гука – тот был схвачен раньше Сапуна и, засыпавшись, мог выдать его и других знакомых подпольщиков.

Он также знал, что летом в комитете было принято решение о том, что все подпольщики должны были иметь при себе яд – на случай, если после ареста у того или иного из них не хватит сил и мужества молчать. Антон Гук, его жена Анна и жена Сапуна Мария, врач по профессии, по заданию Ковалева испытывали на котах токсичность яда и рассчитывали его оптимальную дозировку для человеческого организма¹⁵.

Он же, по собственной оплошности, не мог воспользоваться этой возможностью, поскольку его доза осталась зашитой в пояс брюк, которые он в день ареста не надел.¹⁶

С ним заговорили часов в 11 вечера. Он полагал, что ему устроят очную ставку с Антоном Гуком – тогда бы и разрешились его подозрения в адрес приятеля. Однако, события приняли совсем иной, весьма неожиданный и тревожный для него оборот. Первый вопрос следователя был таким:

– Ну, инженер Сапун, что вы знаете про Минский подпольный комитет?

Сапун, естественно, отрицал свою информированность по этому поводу.

Вопрос следователя показал, что выхода отсюда ему, пожалуй, не будет, и это его успокоило, страх прошел. На последовавшие вслед за тем вопросы о знакомстве с секретарем подпольного комитета, о его внешности, о знакомых ему участниках этой организации он отвечал отрицательно: «нет», «не знаю», «не встречал». Тогда в кабинет ввели Ивана Кирилловича Ковалева. Ему стоило больших усилий сдержать удивление. Ковалев стоял у дверей, чуть опустив голову. Лицо его было бледное, на правой щеке около глаза красовался большой синяк. Глаза потухшие, волосы всклокочены, костюм измят, правый рукав пиджака порван. Все говорило за то, что он страшно измучен. Ковалев подтвердил свое шапочное знакомство с Сапуном, но его принадлежность к Комитету твердо отрицал.

Судя по вопросам было видно, что личность Ивана Ковалева, а равно его подпольная руководящая работа у следователя не вызывала сомнений. Сапун был ошеломлен этим и, по его собственному признанию, страшно подавлен. Не успел он продумать линию своей дальнейшей защиты, как в кабинет ввели Диму Короткевича. Его внешний облик свидетельствовал, что и его пытали, но держался он спокойно, ободрив тем самым и Сапуна, который еще утром даже не предполагал при каких ужасных обстоятельствах они встретятся вечером.

С Короткевичем у них еще до ареста была договоренность и поэтому они сравнительно легко отвечали на каверзные вопросы следователя: были знакомы задолго до войны, а теперь несколько раз встречались на квартире у Сапуна – играли в карты и выпивали.¹⁷

в Минском партийном подполье в 1941 – 1942 г.г. и пребывании в гитлеровских лагерях смерти. 1949 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 65, Л. 40

¹⁵ Существует несколько упоминаний о решении комитета снабдить подпольщиков ампулами с ядом на случай ареста. Сохранились, однако, лишь несколько свидетельств о том, что кто-то из подпольщиков воспользовался ядом после ареста. Георгий Сапун утверждает, что Дмитрий Короткевич после первых допросов в СД отравился мышьяком. Он проболел несколько дней, но выздоровел. [Ф. 4п, оп. 33а, Д. 659, Л. 56 (оборот)]. Позже, весной 1943 года Ивану Кабушкину в подвальной камере в здании СД подпольщица Александра Янулис через сестер Книговых сумела передать ампулу с цианистым калием и тот, вероятнее всего, воспользовался ею (подробнее об этом см. в очерке «Жан»).

¹⁶ Минский подпольный партийный комитет КП (б) Б. (Коллекция) Воспоминания Георгия Павловича Сапуна об участии в Минском партийном подполье в 1941 – 1942 г.г. и пребывании в гитлеровских лагерях смерти. 1949 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 65, Л. 41

¹⁷ Минский подпольный партийный комитет КП (б) Б. (Коллекция) Воспоминания Георгия Павловича Сапуна об участии в Минском партийном подполье в 1941 – 1942 г.г. и пребывании в гитлеровских лагерях смерти. 1949 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 65, Л. 43 – 46

Ночевать его отправили в тюрьму на ул. Володарского, при этом следователь Фролин (в книге у Новикова он назван Фройликом¹⁸) сообщил, что следующим утром его вернут в СД и допрос продолжится.

Вывели в вестибюль. Всего к отправке в тюрьму было предназначено восемь человек, среди был и Антон Гук, но не было Ковалева и Короткевича.

У подъезда стояла дополнительная охрана и 4 легковые автомашины: рассаживали по двое в каждую. В момент посадки Гук попытался сесть вместе с ним, но охранник ударил его и не позволил этого сделать.

Тюрьма. Там их тщательно обыскали. Отняли все, даже ремни и подвязки. Но один из охранников позволил ему забрать свой табак и зажигалку.

Здание тюрьмы, Володарского, 2

Камера №54

Как сообщает сайт «Минск старый и новый», здание тюрьмы на улице Володарской представляло собой прямоугольный трехэтажный объем с четырьмя круглыми башнями по углам. Башни венчали прямоугольные зубцы над многослойным карнизом, это делало тюремный замок узнаваемым с дальних к нему подходов. По периметру тюремный корпус был огорожен высокой каменной стеной с вертикальными опорами (контрфорсами) – они придавали стене дополнительную прочность. Зубцы и другие детали, надстройки на стене отсутствовали, завершение стены было гладким, так как с момента ее возведения в 1825 году она не имела оборонительного назначения, главным ее предназначением было удерживать заключенных внутри, а не препятствовать проникновению врага снаружи.¹⁹

¹⁸ Новиков И. Руины стреляют в упор / И. Новиков – М.: Советский писатель, 1963, с. 178, 179...

¹⁹ Минск старый и новый. Электронный ресурс. Код доступа: <https://minsk-old-new.com/places/primechatelnye-zdaniya/turma-na-volodarskogo> Дата доступа: 26.11.2020

Его поселили в камеру №54, на втором этаже. Из-за позднего времени зажигать свет не полагалось, никто из других заключенных о себе не давал знать. Он опустил на каменный пол. Посидев так несколько минут, закурил. Вероятно, услышав запах табака, обитатели камеры всполошились и подошли к нему. Их оказалось двое – поляк и чех. Сапун предложил закурить и им. Только потом он узнал, как дорого здесь ценилась папироса табаку – не в деньгах, в человеческих отношениях. Его сокамерники в знак благодарности сейчас же предложили ему доску. Он лег на нее и тотчас уснул.²⁰

Утром он проснулся рано. Спать на доске было все же неудобно. Вопреки угрозам на вчерашнем допросе, в СД его не вызвали. Не беспокоили и несколько следующих дней.

Напряженное ожидание, неясность в отношении собственной участи и происходивших на воле событий заставляли его нервничать. Отвлечься и поговорить откровенно, по сути, было не с кем. Оба его сокамерника были для него людьми случайными.

Квятульский, поляк из Кракова, учитель, военнопленный с 1939 г., последнее время работал на минском кожевенном заводе «Большевик». Причину ареста, с его слов, и сам не знал.

Второй – Чесерчик, по национальности чех, работал в немецкой фирме организации «Тодт» и был арестован за воровство. Потом они убедились, что он страдал kleptomanieй: хоть пуговицу, но украдет. В остальном это был, по словам Сапуна, вполне приятный и добрый человек. Трудности в общении с его новыми товарищами усугублялись незнанием языка. Поляка он понимал хорошо, чеха – плохо; они его не понимали вовсе. Впрочем, взгляды и жесты позволяли им кое-как переговариваться.

Распорядок дня в тюрьме был несложный. Побудки не было. В 10 – 11 часов утра выдавали пайку хлеба 80 – 100 гр., в 11 – 12 часов – пол-литра кипятку. В 6 – 7 вечера полагалось пол-литра баланды.

С начала своего заключения он старался сообщить о себе домой, в этом ему помогали его новые товарищи. К вечеру первого дня, перед медицинским обходом чех притворился больным. Уговорили русскую медсестру зайти к ним в камеру. Сапун попросил ее сообщить жене о своем местонахождении. Та отказалась, сказала, что боится помогать заключенным.

До этого он не брал в рот ни баланды, ни хлеба. Кушать совсем не хотелось. На следующий день при раздаче пищи он попросил раздатчицу передать жене, живущей рядом (ул. Революционная), два слова. Та, сверкнув глазами, прошипела: «попал, так сиди...».

Много позже ему рассказали, что это была за лярва, раздатчица пищи по имени Ядя. «Кто ее не знал из заключенных Минской тюрьмы? Это был зверь в образе женщины. Сколько она пакостила заключенным и как умела издеваться над ними. Все удивлялись, как могла такая гадина вырасти на нашей земле, среди нашего прекрасного народа? Нет сомнения, что не один человек с ее помощью был отправлен на тот свет... В 1944 году она бежала с немцами...»²¹

Поняв, что действуя прямолинейно, с домом связаться, он, пожалуй, не сможет, а неприятностей наживет, Сапун изменил тактику. Три следующих дня он простоял у двери, наблюдая через глазок за охранниками в коридоре. Один из них, как показалось, без особой злобы относился к заключенным. Он решил рискнуть и попытал счастья. Огрызком карандаша, который (кто бы сомневался!) нашелся у чеха, Георгий написал жене: «Маруся, подателю сей записки хорошо отблагодари. Я нахожусь в 54 камере тюрьмы».

²⁰ Минский подпольный партийный комитет КП (б) Б. (Коллекция) Воспоминания Георгия Павловича Сапуна об участии в Минском партийном подполье в 1941 – 1942 г.г. и пребывании в гитлеровских лагерях смерти. 1949 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 65, Л. 47 – 48

²¹ Минский подпольный партийный комитет КП (б) Б. (Коллекция) Воспоминания Георгия Павловича Сапуна об участии в Минском партийном подполье в 1941 – 1942 г.г. и пребывании в гитлеровских лагерях смерти. 1949 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 65, Л. 49 – 51

Когда выбранный им охранник в очередной раз проходил мимо камеры, Сапун постучал в дверь и обратился к нему с просьбой сходить за водой в уборную. Возвращаясь, у двери своей камеры он попросил его передать записку по указанному адресу. Охранник грубо закричал на него, а потом прошептал: «Заходи скорее, а когда напишешь...» «Уже написана», – сказал Сапун и сунул ему в руку записку. Уверенности не было, он ведь и не согласился. Но и не отказался. Значит, если завтра передаст, то послезавтра можно ждать известий.

Все произошло намного раньше. Не прошло и суток, дверь камеры открылась, и тот охранник передал ему корзинку: «бери, от жены, передавала привет». Будто тяжелый груз упал. Значит, она на свободе!

С волнением он бросился извлекать содержимое корзины: пальто, одеяло, рубаха, белье, полотенце и две пачки махорки. За клеенкой, которой была обшита корзина – записка, но ее он прочтет позже, сейчас в камере было темно. Чех услужливо подал огрызок карандаша и клочок бумаги. Сапун наощупь написал супруге ответ: «сижу в 54 камере, будь очень осторожна, уезжай в деревню. Видел Ан. Д. [Гука] и Ивана [?]

На радостях они покурили всей камерой – по очереди.

Примерно через час – полтора дверь камеры снова открылась, и тот же охранник опять подозвал его к порогу. Вручил вторую корзину и сказал: «выложи все и сейчас же верни корзины». Уходя, он сделал еще одну милость: не погасил свет в камере. Жена писала: «Живу не дома, знаю. Держать связь пока через Сашу, меняй полотенца». Про Сашу он догадался сразу – так звали охранника²², но последняя фраза оставалась непонятной, с первого разу он так и не смог ее расшифровать.

Через день Саша принес новую передачу. Корзины он не отдал, а предложил забрать ее содержимое и сложить в нее вчерашнюю посуду. Сверху корзина была накрыта точно таким же полотенцем, как и предыдущая передача.

Осмотрев принесенные продукты, ничего подающего надежды он не нашел и только в рубце полотенца обнаружил узкую длинную написанную мелкими буквами на тонкой бумаге записочку. Затем в хлебной горбушке нашел кусок карандаша. На следующий день, передавая посуду, он накрыл ее тем же полотенцем. Так у него наладилась регулярная переписка с женой. Впоследствии он обнаруживал записки и в вареной картошке, и в стеклянной ампуле, брошенной в суп и в других, совершенно неожиданных местах. Каждая полученная передача приносила новости и информацию. Так, в ноябре месяце жена ему сообщала: «Сегодня передачу понесет [Оля] Кушелевич для тебя и мужа». Так он узнал, что арестован и Кушелевич – значит, захватили людей даже с периферии, тот работал за городом. В другой записке жена писала: «Галя сидит в камере №7». Сообщения были, как правило, неутешительные, но очень нужные. Они проливали свет на происходящее и помогали ориентироваться на допросах.²³

В конце октября в их камеру «подселили» одного военнопленного по фамилии Прокопенко. Он бежал из лагеря и несколько недель прятался в районе парка имени Горького. Позже, дней через пять или семь, бросили еще одного арестанта – до полусмерти избитого некоего Куликовского; его Сапун немного знал еще до ареста, но не контактировал с ним в подполье. Куликовский был совершенно слепой. Небольшого роста, худой, лет 55, голову держал всегда высоко, как будто смотрел на небо. С ним одновременно была арестована и его жена, но дер-

²² Георгий Сапун, вероятно, так и не узнал фамилию Саши, по крайней мере он не называет ее ни в своих ранних записках, ни в более поздних выступлениях. Саша помогал и другим заключенным, немного облегчая их участь. Он взялся за это дело добровольно, ежедневно рисковал оказаться за решеткой – как и те, кому он помогал. Среди охранников минской тюрьмы был не один такой Саша, но фамилий их Георгий Сапун также не знал. Некоторые из них отдавали заключенным даже свои порции хлеба или приносили пачку махорки, газету и даже книгу. «Это как будто мелочь, но как она дорога для человека, обреченного на смерть, и, главное, дорого участием, а не ее абсолютной ценностью», – полагал Георгий Сапун.

²³ Минский подпольный партийный комитет КП (б) Б. (Коллекция) Воспоминания Георгия Павловича Сапуна об участии в Минском партийном подполье в 1941 – 1942 г.г. и пребывании в гитлеровских лагерях смерти. 1949 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 65, Л. 52 – 55

жали ее в другой камере. Они уже побывали в СД на допросе, вечером их привезли оттуда в тюрьму. Причину их ареста Куликовский объяснял тем, что прятал у себя на квартире еврейскую девушку. Впрочем, позже, в ночном бреду после очередного допроса в СД он проговорился, что был арестован в связи с обвинениями в попытке проведения диверсии на электростанции – у него при обыске нашли керосин. Георгий Сапун был единственным, кто слышал его признания и, естественно, он не упомянул о них ни поляку с чехом, ни соотечественнику-военнопленному: тем меньше у них будет возможностей (соблазна?) говорить по делу Куликовского на своих допросах в СД.²⁴

Снова в СД

Однажды, уже в середине ноября, довольно рано, в их камеру явились двое полицейских и вызвали: «Ляпин, выходи». Им объяснили, что в этой камере Ляпина нет. Те сверились со списками и удивились: «Как нет? Он был посажен в эту камеру».

Они ушли. Вскоре появился кто-то из администрации тюрьмы и начал уточнять: «Ляпин или Ляпун должен быть здесь; его точно поместили в эту камеру». Заключенные 54 камеры хором отвечали, что здесь такого нет и никогда не было.

Георгий Сапун сразу понял, что речь шла о нем: в тюремной конторе, вероятно, неверно записали его фамилию: Ляпун – вместо Сапун. Естественно, он решил не помогать тюремщикам: пусть ищут Липина, Ляпина или Ляпуна – а вдруг найдут?

По коридорам бегали охранники, спрашивая через глазок в камерах: «Ляпун или Ляпин есть?» Прошло минут 20, и только тогда дверной засов их камеры стукнул и ввалились два охранника. «Сапун!» – заорали они дикими голосами. Он отозвался. В коридоре стоял гестаповец.

«Ты чего же, подлец, скрываться решил?» – крикнул он и ударил его по лицу, но не сильно, второпях. Казалось бы, какая ирония – скрываться в тюрьме? – но Георгий Сапун не улыбнулся: он получил изрядный опыт заключенного и прекрасно понимал, чем грозит ему вызов на выход – вне зависимости от того, Ляпиным или Сапуном его доставят в СД.

Во дворе тюрьмы маялась группа человек из 12 или 15 заключенных, рядом стоял конвой. Его присоединили к другим, в их числе он увидел и Гука с Васильевым, а также Козловского – еще одного непричастного к подполью безногого инвалида из конторы «Торфоцентрали».

Их повели пешком – от Володарской к Университетской было не так и далеко. За время, проведенное в тюрьме, они разучились ходить по земле – в буквальном смысле этого слова: ступали осторожно и неуверенно. Правда, на улице было скользко, вели их медленно; безногий Козловский скользил на костылях и падал.

Недалеко от тюрьмы он увидел Аню Мицкевич²⁵ (жену Антона Гука); она шла по тротуару к тюрьме, видимо с передачей для мужа. Гук был от него далековато и попытки Сапуна обратить его внимание на жену не увенчались успехом, тот ее так и не увидел, он был погружен в свои мысли и шел, низко опустив голову.

На Советской улице им встретились немки. Они останавливались, щелкали их фотоаппаратами и кричали: «Бандиты!»

В скором времени их привели в здание СД и расставили в коридоре лицом к стене метрах в двух или трех друг от друга. Сапун стоял рядом с Гуком; тот мимикой и пальцами пытался привлечь его внимание. Сапун не понимал, тому пришлось несколько раз повторить свои манипуляции. Прохаживавшийся за спиной охранник заметил их «переговоры», Антон Гук за них поплатился зубом. Сапун отделался легко: получил несколько ударов сапогом.

²⁴ Минский подпольный партийный комитет КП (б) Б. (Коллекция) Воспоминания Георгия Павловича Сапуна об участии в Минском партийном подполье в 1941 – 1942 г.г. и пребывании в гитлеровских лагерях смерти. 1949 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 65, Л. 56 – 58; Л. 61 – 63

²⁵ Позже, в послевоенных комментариях к своим воспоминаниям Георгий Сапун уточнит, что фамилия женщины была Мыцько или Мицько; Мицкевич Анной он ее назвал ошибочно.

В этот день допрашивали всех, кроме него. Допрошенных вечером снова отправили в тюрьму, а его и Васильева оставили в коридоре. Васильеву объяснили, что его освобождают за невиновностью, но, для выполнения необходимых формальностей, он должен был посидеть некоторое время здесь же, внизу.

Их отвели в подвал. Там Георгия Сапуна поселили в камеру №5, а Васильева в 7 или 8 камеру. В 5-й камере уже сидело 4 чел., как потом он узнал, только двое из них (Герасименко и Барановский) были арестованы по делу подпольного комитета. Некто Бария и безызвестный поляк (его фамилии Сапун так и не вспомнил) находились в СД по более лёгким подозрениям – их обвиняли то ли в спекуляциях, то ли в воровстве.

У него еще оставалось немного табаку и он предложил своим новым товарищам закурить. Их, видимо, поразила его щедрость. Бария, когда уже были свернуты сигарки, сказал: «Курить много нельзя, да это и расточительно в наших условиях. Одной папироски будет достаточно на всех». Подожгли одну, первым затянулся Сапун и передал самокрутку по кругу. В камере было темно, естественный свет здесь напрочь отсутствовал. Это было полуподвальное помещение, окна их камер смотрели в ямы, которые с ранней осени оставались заваленными мусором – принесенной ветром из университетского парка листвой, спрессовавшейся и начавшей загнивать на грязном стекле. Лампочка в их камере загоралась только на несколько минут в момент раздачи пищи или вызова ее обитателей на допрос.

Вечером заключенным в ржавых жестянках из-под консервов раздавали чай, его по камерам разносили Галина Шумская и Оля (ее фамилию Сапун не называет), учительница из Плещениц. Все лето она выводила людей из города в партизанские отряды и, насколько ему было известно, была арестована несколько раньше городских подпольщиков, в начале осени. Шумская была арестована по причине знакомства с Короткевичем, тот жил у нее на квартире и она на первых порах проходила по делу всего лишь в качестве квартирной хозяйки подпольщика. На раздаче чая она не подала и виду, что знакома с Сапуном, но вечером пришла весточка от Короткевича – из соседней камеры он услышал его голос: «Привет Сапуну».²⁶

На следующий день утром его вызвали на допрос. В комнате следователя, кроме него самого, был переводчик и еще какой-то длинный, сухой и плоский, как доска немец в очках, его присутствие в кабинете так и осталось ему непонятным.

²⁶ Минский подпольный партийный комитет КП (б) Б. (Коллекция) Воспоминания Георгия Павловича Сапуна об участии в Минском партийном подполье в 1941 – 1942 г.г. и пребывании в гитлеровских лагерях смерти. 1949 г. НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 65, Л. 64 – 68

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.